

ЖАН-ЛЮК ЛАГАРС

ПОСЛЕДНИЕ УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ ПЕРЕД ЗАБВЕНИЕМ

Перевод Алины Корниенко

Эта пьеса была впервые опубликована в 1988 году в машинописном варианте (№50) Национальным центром современной драматургии Theatre Ouvert.

Впервые она была поставлена режиссером Софи Дюпрез-Тэбо в декабре 1998 года в г. Бове.

Действующие лица:

Пьер, 42 года

Поль, муж Анны, 38 лет

Анна, жена Поля, 34 года

Элен, жена Антуана, 42 года

Антуан, муж Элен, 43 года

Лиз, дочь Элен и Антуана, 17 лет

Действие пьесы разворачивается во Франции, в наши дни, в обычный воскресный день, в деревне, в доме, где сейчас живет Пьер, а некогда еще Элен и Поль.

Пьер. – Я рад. У тебя все хорошо? У вас все хорошо? Как ваши дела – все хорошо?

Поль. – Я думал, мы приедем первыми.

Элен. – Это Антуан, вот он, Антуан. Мой муж.

Антуан. – Выходит... дорога хорошая, мы быстро доехали, она прекрасно помнит дорогу, с тех пор ничего не изменилось, ей кажется, что ничего не изменилось...

Поль. – Анна. Пьер.

Лиз. – Меня зовут Лиз.

Анна. – Здравствуйте. Мы знакомы, как глупо. Вы должны помнить, я прекрасно Вас помню, не глупи, ты же не будешь представлять нас друг другу, Вы должны помнить.

Пьер. – Нет.

Лиз. – Я их дочь, их младшая дочь, вон тех двоих.

Антуан. – Антуан. Очень приятно.

Поль. – Ах, да, прошу прощения, извините меня.

Анна. – Я приезжала, но это было много лет назад...

Пьер. – Я не помню, говорю же Вам, невозможно всего упомнить.

Поль. – Поль. Приятно познакомиться.

Антуан. – Антуан, муж Элен. Отец малышки.

Пьер. – Ах да, приятно познакомиться, ты это имел в виду? Приятно познакомиться, Пьер. Какой малышки?

Лиз. – Мой.

Поль. – Отстань от него, если он сказал, что не помнит, значит, не помнит.

Элен. – В любом случае, он слишком быстро водит.

Анна. – Это не слишком воспитанно.

Поль. – Это на него не похоже.

Антуан. – Я вожу не слишком быстро, я вожу нормально.

Лиз. – Я уже не маленькая.

(...)

Поль. – Говори первым. Мы так договорились, будет лучше, мы хотим выслушать тебя, вот о чем мы договорились. Об этом мы договорились?

Элен. – Именно так.

Пьер. – Я? Почему я? Я не понимаю. Вы вообще о чем? Я не знал, нет, вы не правы. Я не расслышал и недопонял, да, не было такой договоренности, мы так не договаривались, и я ничего не подготовил; и еще, вы должны понять это, да, мне нечего сказать, не сейчас, не сразу, нет. Этого не будет. Это нужно вам, тебе и ей (если я ошибаюсь, поправьте меня), вы двое этого хотите, хотели, недвусмысленно, безотлагательно, вы не могли больше ждать, именно в это воскресенье, все вместе, с вашими семьями, немедленно, это вы хотели, чтобы все мы встретились, поговорили, вновь увиделись и решили наши вопросы, денежные вопросы, поделили между собой этот дом, это место. Я прав. Я прав?

Это не я. К чему я? Я ничего не просил (это меньшее, что можно сказать на этот счет), я вообще ничего не просил. Я думал, вы мне все объясните. Я не буду начинать разговор – так ты сказал? Начать разговор, обсуждение, поговорить, вы этого хотите? Вы этого хотите? Вы смеетесь, я ничего не хочу, я ничего не хотел, все может остаться, как прежде, всё, я, мне все равно. Будет лучше, если вы изложите мне свое предложение. У вас же есть конкретное предложение? Если я правильно понял, ты хочешь все продать? Она хочет все продать, ты ведь понял ее так же, она хочет, чтобы мы поделили деньги на троих, именно так, я правильно уловил основную мысль? Продадим и забудем. Продадим. Этот дом дорого стоит?

Элен. – Это не так, не говори так. Мы можем все обсудить. Еще ничего не сделано, ничего не решено, это всего лишь предложение...

Пьер. – Да. И потом, в любом случае (не буду утомлять вас, все уже решено), в любом случае, не мне все объяснять, я бы не смог, это было давно, так давно... *(смеется)*

Не хочу показаться грубым, я очень рад вас видеть. Правда. Я уже говорил?

Это было давно, очень давно, а у меня плохая память на цифры, мне не свойственна корысть, встанет вопрос денег, я полагаю, а это не в моей компетенции. Если честно, мне все равно. Я сделаю, как уже говорил, как я сразу сказал, когда ты позвонил (можешь мне возразить, если я вру), когда он позвонил, чтобы рассказать мне все, о том, что ты хочешь продать дом, можешь спросить его, я ни секунды не колебался: я сделаю все, что мне скажут, я подпишу все, что потребуется (надо будет подписывать бумаги, задокументировать такой же день, как сегодняшний), и больше мы никогда не коснемся этого вопроса. Я со всем согласен.

Элен. – Это глупо. От тебя будут одни проблемы. Я была уверена, что от него будут одни проблемы, что он будет выкидывать фокусы. Я говорила. Я же тебе говорила. Разве ты не видишь? Не говори, что я тебя не предупреждала. Я предполагала, это было предсказуемо, это было так предсказуемо, выкидывать фокусы, разглагольствовать часами – и то, и это – он нисколько не изменился, ты совсем не изменился, молчаливый и сложный человек.

Поль. – Постой, Элен, погоди, не будем так сразу, я все объясню. Это всего лишь обсуждение. Не начинайте.

Пьер. – О чем это она? Слово, которое она употребила, которое ты употребила, это выражение? Я даже рта не успел раскрыть, вы только приехали, я еще рта не успел

раскрыть, я ничего толком не успел сказать, мы только начали, и вдруг она говорит, что я молчаливый, именно в таких выражениях, я все правильно понял, я все расслышал.

Зачем ты так говоришь? Я бы очень хотел, чтобы все прошло хорошо, без каких-либо затруднений, мне бы так этого хотелось, если у вас не возникнет затруднений, так будет лучше для всех, мы решим столь важный для вас денежный вопрос, это ведь так важно, однако, каждый останется при своем. Не начинай!

Я никогда не был молчаливым, зачем так говорить? Обо мне, и делая при этом такое лицо.

«Молчаливый». Почему она так сказала, сразу, как приехала, тотчас же, она начинает давать всему и всем характеристики, и, как всегда, бездоказательно, «молчаливый» - совершенно неуместная характеристика в данном случае. Почему она так сказала? Ты так просто об этом говоришь? Не я должен начинать этот разговор, вот и все.

Мне нечего сказать. Я хочу, чтобы вы поняли это.

Я ничего не знаю о деньгах, я почти ничего не помню, мы не вели счетов, «кто за что платил», доля каждого из нас, я никогда не был силен в этом вопросе, «каждый по-своему», насколько я помню, что же касается меня, «по моему мнению», я, я не изменился.

Не говори, что я выкидываю фокусы, я, может быть, наоборот, я, может быть, личность, человек, нет, именно личность, я определенно личность, которая (что?), которая меньше всех выкидывает фокусы. Все это знают. Поль это знает, ты это знаешь, Поль, я не выкидываю никаких фокусов. И так было всегда. Из нас троих, взять «нас троих», из нас троих, если вы вспомните, из нас троих у меня самый простой характер, самый сговорчивый, вы, возможно, никогда не отдавали себе в этом отчет, просто никогда не отдавали себе в этом отчет, но я всегда был и остаюсь самым сговорчивым, я из тех, кого называют покладистыми, из тех, кто, да, проявляет дипломатические способности, я именно такой, «проявляющий неоспоримые дипломатические способности». Всем известно об этой черте моего характера. «Молчаливый», это же совсем не про меня!

Поль. – Я объясню. Я хотел, мы хотели, нам бы хотелось, мы так решили, нам с Элен хотелось бы...

Не говори с ним так. Не говорите так друг с другом. Она сказала это, не подумав.

Элен. – Как раз наоборот. Прости, но мне придется возразить. Что ты сказал? Почему ты утверждаешь, что я сказала это, не подумав? Я говорила абсолютно осознанно. Он не изменился. Это бросается в глаза.

Поль. – Постойте. Элен, прошу тебя. Дай мне все объяснить. Нам бы хотелось, мне и Элен, ничего сложного или долгого, и это из самых лучших побуждений, не ищи во всем подвох!

Нам бы хотелось, чтобы ты высказался первым, изложил свое мнение, высказал свои пожелания. Это касается тебя в первую очередь, мы это прекрасно понимаем, ты здесь

живешь, это твой дом, твоя жизнь, и нам ни в коем случае не хотелось бы мешать тебе, ставить тебя перед фактом, плохо поступать с тобой, ты можешь быть в этом уверен.

Это не трудно, ей хотелось бы продать дом, нам есть, что делить, деньги, это все уже в прошлом; главное, мы вовсе не хотим выставить тебя за дверь, ты это абсолютно (нет, не «абсолютно», прекрасно), ты прекрасно это знаешь, и при этом тебе непременно надо устроить сцену, раскритиковать все в мельчайших подробностях, немедленно, наше предложение, мы негодяи, алчные люди, которые выбросят тебя на улицу.

Пьер. – Ты тронул меня до слез. Я был в этом уверен.

Элен. – Я так и предполагала. Я была в этом уверена.

Поль (*обращаясь к Элен*). – Ты всегда знаешь все лучше всех.

(...)

Антуан. – А Вы, Вы – Анна, Ваше имя – Анна, нет, я ошибся, я не расслышал, жена Поля, его жена? Я ошибаюсь. Я ошибся? Анна, верно? Анна или Катрин. Катрин?

Анна. – Анна. Есть какая-то Катрин? Есть кто-то еще?

Антуан. – Анна. Хорошо. Очень хорошо. Тем лучше. Я так просто говорю это, «тем лучше», так глупо, что это вообще дает? Что это может Вам дать? Что?

Мне назвали Ваше имя, я знал его ранее, Элен (моя жена, моя законная жена) сказала мне, как Вас зовут. Катрин, я ляпнул, не подумав, я не сразу вспомнил, это неважно, и в тот момент я подумал, смотря, как Вы стоите в отдалении, слегка отделившись от всех. Мне кажется, Вы не из тех, кто чувствует себя в своей тарелке среди незнакомых людей. И все же, я вспомнил, причина в том, что Вы похожи на девушку, на женщину, на молодую женщину, прошу прощения, извините меня, на одну особу, которую я знал когда-то. Я совсем забыл.

Мы с Вами не были знакомы лично, а у меня такая короткая память. Она еще не раз сыграет со мной злую шутку. У меня масса историй на этот счет: не могу вспомнить имя прекрасно знакомого мне человека, могу назвать кого-то именем человека, которого тот терпеть не может, и так далее, и так далее. Этим историй хватило бы на целую книгу.

Что ж.

Как я уже говорил, у Вас отличное имя, Анна, да. Еще не самое распространенное, и при этом, можете считать меня идиотом, оно кажется мне аристократичным, м?

Анна. – Наверное, я только что узнала, Вы ее муж, Антуан, муж Элен, Элен, ее муж, да. Ее имя, я отлично его знаю, разве есть какое-то другое имя, которое я слышала чаще все эти годы? Не думаю, если честно.

Катрин, я никак не ожидала. Меня это выбило из колеи, повергло в шок, я не предполагала и... Не страшно.

Антуан. – Я же сказал, не обращайтесь внимания. Вы мне очень симпатичны. Я больше ее не видел, никогда, ту девушку, Катрин – она едва на Вас похожа, смешно, не правда ли? – это было очень давно, не будем заострять на этом внимания, много лет назад, я еще не был женат (конечно же!), до всего этого...

Именно так, Антуан, Вы не ошиблись, с первого раза.

Вы здесь второй раз, если я правильно понял. Красивый дом, красивый сад, красивые деревья, пятнадцать лет назад это сокровище почти ничего не стоило; они нисколько не сомневались, это было не в их правилах, по словам Элен, у нее тогда был крайне тяжелый характер, вернуться на природу и к прелестям сельской жизни, а сегодня, по прошествии времени, все совсем наоборот, не так ли?

Анна. – Можно смотреть на эту ситуацию и так. То, чем Вы занимаетесь, Ваша профессия, Поль говорил мне, он в курсе, «продажник», я уже не помню, есть специальный термин, Боже, я такая глупая...

Антуан. – Торговый представитель, представитель, если Вам так больше нравится, людям нравится, однако, правильнее говорить, официальное название, в платежных ведомостях, «торговый представитель». Это совсем другой мир, автомобили, город, выхлопные газы и прочие параметры, с завода или подержанные, но подержанные в отличном состоянии после всех должных проверок.

Анна. – Да. Это интересно. Это, должно быть, интересно, очень, это наверняка интересно, мне кажется, это должно быть интересно, все то, чем Вы занимаетесь, очень-очень интересно. Конечно, надо разбираться в автомобилях.

Антуан. – Что Вы, вовсе не обязательно.

(...)

Элен. – Не хочешь, не слушай.

Ты всегда был молчаливым. (*смеется*). В этом вся твоя суть, ты не можешь отрицать очевидное, твое упорное отрицание окружающей действительности, я говорю это без злого умысла, я не хотела показаться не любезной; почему? Да потому что у меня нет на то ни малейшей причины, я очень рада видеть тебя, и Поля тоже, я рада его видеть, воссоединиться с вами.

А ты продолжаешь думать, не понимаю, никогда не понимала, продолжаешь думать, всегда думал, что тебе хотят навредить, причинить боль, что тебе хотят помешать.

Быть молчаливым – это не недостаток, разве не так? Поль? Это не недостаток, я знаю массу замечательных молчаливых людей, с которыми приятно общаться... Да и потом, что с того?.. Молчаливый – это черта характера, не хочу докучать тебе, постоянно слышу об этом, повсюду – Поль? Ты разве со мной не согласен? – по радио, по телевидению, в кино, в произведениях русской литературы, молчаливый – это личностная характеристика.

Да и потом, что с того? Ты достал меня, он ни о чем таком тебя не спросил, всего лишь твое мнение, твои пожелания, – это ведь касается тебя, мы спрашиваем тебя из вежливости, тогда как сами...

Поль. – погоди. Отстань от него. Не вмешивайся. Мы предусмотрели, мы решили, мы ведь все предусмотрели? Я думал, что то, о чем мы договорились между собой, о деньгах и тому подобное, по финансовому вопросу, то как мы все предусмотрели, все должно было быть просто: ты должен был согласиться без возражений, – я должен был первым с ним поговорить, я первым с ним поговорю, первым. Я должен все ему объяснить, у меня всегда это получалось лучше всех, лучше, чем у кого-либо, из нас двоих лучше у меня, именно у меня, всегда у меня лучше получалось излагать ему суть проблемы.

Он мне верит, у меня всегда хорошо получалось, прекрасно получалось объяснять ему, он всегда мне верил.

Итак, вот, к чему я веду, сегодня, то, что нас заботит...

Пьер. – Что ты такое говоришь, что ты сейчас сказал, ты говоришь обо мне так, будто я болен! Не понимаю, как долго ты собираешься говорить обо мне в таком тоне? Мне уйти, может, ты хочешь, чтобы я ушел? Ты говоришь обо мне так, будто я болен, по крайней мере, я так это понял, будто я болен, серьезно болен – психически не здоров, в значительной степени, последняя стадия и уже много лет, возможно. Первый из вас двоих, снова повторяющий, как бы невзначай, что «я всегда был таким», что «я ни капельки не изменился»...

Элен. – Не смей говорить со мной в таком тоне! Я всего лишь объяснила ему, почему позволила – позволяю? – себе назвать его именно молчаливым. Вот и все, мои доводы, кажется, тронули его. Не тебе меня перебивать, говори со мной в другом тоне, не тебе выбирать за меня выражения, не тебе указывать мне, что я могу говорить, а что – нет. Заруби это себе на носу: мы теперь никто друг другу, ты и я, никто, мы в разводе, понимаешь?

Мы приехали сюда, чтобы решить все вопросы, финансовые и другие общие вопросы, не забывайся, не начинай...

Ты тоже не меняешься, в точности как он, ты не растешь, именно это я хотела донести, да, именно так, ты не растешь.

Поль. – Прости меня, пожалуйста. Я не имел в виду ничего плохого, наш разговор начался не самым лучшим образом, ты же видела его реакцию, он абсолютно нормально реагирует, нет, серьезно, ты просто не так его поняла.

Элен. – Хорошо. Я молчала. Я молчу. Я в бешенстве, как глупо, я так взбесилась, ты же меня знаешь, дорога, столько воспоминаний. Мы не должны усложнять ему жизнь, нарочно делать это. Он очень чувствительный.

(...)

Антуан. – Ты молчишь. Тебе скучно?

Лиз. – Нет. Я ведь тебя предупреждала. Я поехала сюда, с вами, с тобой и с ней, потому что вы этого хотели, ты меня об этом просил, но я останусь при своем мнении, меня это не касается. Это только их дело.

Я побуду тут, за меня не беспокойся, я подожду вас, понаблюдаю, здесь должен быть сад, я не сдвинусь с места и никуда не уйду, пока вы не закончите, пока они не закончат.

Антуан. – Это моя дочь.

Анна. – Да, я знаю. Мне и об этом рассказывали. Это было одним из главных событий в моей жизни, рождение этой девочки, ее первые шаги, первые зубы, первые слова, мне рассказывали всё. Я даже не представляла, что она уже такая большая, я предпочитала не думать об этом.

Я очень счастлива.

У нее есть сестра, я полагаю, я не ошиблась? Но мы никогда не говорим о ней, думаю, она не является интересным предметом для обсуждений, правильнее всего забыть о ней.

Антуан. – Вы очень хорошо осведомлены.

(...)

Поль. – Как дела? Как твои дела? Здравствуй. Я, как бы это сказать? Друг... Друг и... Неважно. Поль, мое имя Поль. Меня совершенно не смущает и... А ты, ты Лиз. Я не ошибся. В точку. Мы знакомы, ты не можешь этого помнить, мы были знакомы, ты была «вооот» такого роста, какой же ты стала красавицей.

Лиз. – Вы спросили, как у меня дела?

Поль. – Да. Именно так. Именно об этом я и спрашивал. Как дела? Я хотел сказать: у вас, у тебя все хорошо?

Лиз. – Все хорошо, благодарю тебя, благодарю Вас.

(...)

Анна. – Я показалась Вам крайне симпатичной, ранее Вы сказали об этом, Вы упомянули об этом, как бы невзначай, во время одного из своих нескончаемых отступлений, я обратила на это внимание. Мне это польстило. Вы этого не говорили? Я заблуждаюсь? Еще в самом начале, это очень любезно с Вашей стороны, да, именно так, любезно. Я все еще кажусь Вам такой же симпатичной, все еще, сейчас? Мы будем прояснять ситуацию, время от времени, если хотите, чтобы понять то, что происходит между нами, симпатию, которую Вы ко мне испытываете, степень симпатии, которая все еще есть у Вас ко мне.

Антуан. – Я буду держать Вас в курсе.

(...)

Элен. – У тебя все хорошо? Все ли у тебя хорошо? Мне кажется, да. Ты выглядишь здоровым. Ты хорошо выглядишь... Да. Правда, ты никогда не был... как бы это сказать? «В самом соку», «в самом расцвете сил».

Я очень рада снова тебя видеть, можешь не сомневаться. Я очень рада, искренне, это звучит банально, однако, мне очень важно было сказать это тебе, я очень рада снова тебя видеть, несмотря ни на что.

Пьер. – Мне очень приятно это слышать.

Он сказал, что ты не хотела приезжать. Это правда? Ты долго думала и долго не давала окончательного ответа, ты хотела, так он сказал, ты хотела, чтобы мы решили все наши вопросы, наши грязные делишки, денежные вопросы, вопросы относительно этого дома, вот это все, по переписке, по голосовой почте, через посредников... через адвокатов? Ты, должно быть, стала влиятельной женщиной, с адвокатом и... Как в таких случаях обычно говорят? В англоязычных детективах... С адвокатом и личным консультантом. У тебя есть личный консультант? Твой муж?

Я шучу. Если бы нельзя было больше шутить...

Ты часто его видишь, с ним видишься, с Полем?

Элен. – Да. Иногда. Нет. Редко.

Он не должен был рассказывать тебе все это: я «в конце концов» приехала! Ему обязательно все всегда тебе рассказывать?

Я приехала вместе со своим мужем, Антуаном, не знаю, виделись ли вы, и со своей дочерью, самой младшей из моих дочерей, Лиз.

Пьер. – Да. Я знаю. Красивая девчушка. Он продает автомобили?

Элен. – Она немного застенчивая, даже, скорее, сдержанная. Возраст. Он, ты его не знаешь, мы познакомились давно, после того, как ты и я, в какой-то мере, мы потеряли друг друга из виду... Не будем об этом.

Пьер. – Я ничего не говорил.

Элен. – Ты меня нервируешь.

У тебя никого нет? Поль мне сказал. Ты все так же живешь один? Ты ни с кем не сошелся...ну, не знаю...

Пьер. – Я тоже не знаю.

Элен. – Ладно. Я хотела сказать, что, я уже начала об этом рассказывать, мой муж, когда я вышла замуж за Антуана, – красивое имя, не правда ли? – я тебе об этом ничего не сказала, но я сомневалась, что он, этот, второй, не преминет написать тебе об этом, рассказать тебе по телефону, в телеграмме, козёл...

Он продолжает все тебе рассказывать, ни шагу друг без друга...

Пьер. – Не называй его этим, вторым.

(...)

Антуан. – Вы уже познакомились. Очень хорошо. Она не особо разговорчива, обычно не особо общительна. Чтобы она заговорила с незнакомым ей человеком, я не хочу Вас обидеть, но Вы для нее действительно незнакомый человек, чтобы она заговорила с незнакомцем, человек действительно должен ей понравиться.

Вы даже не представляете, какую честь она Вам оказывает.

Лиз. – Замолчи.

Поль. – Она со мной не говорила.

Антуан. – Опять я все не так понял.

(...)

Анна. – Анна, это мое имя. Он уже ранее называл его, он, вон тот, мой муж.

Мы с Вами уже встречались, я в этом уверена, у меня плохая память на цифры, семь или восемь лет назад. Разве не так? Здесь, уже, в этом самом месте. Это красивое место, красивый дом, Вам так повезло жить... Что ж. Я все узнала, я все прекрасно помнила. Вы ничего здесь не переделывали?

Я хотела с Вами поговорить. Немного.

Есть кое-что, Вам, возможно, это неинтересно, есть кое-что, что я хотела бы объяснить Вам.

Вы ничего не скажете?

Не должно быть никаких недопониманий. Я очень расстроюсь, если возникнет какое-либо недопонимание. Между нами, да. Мы впервые вновь говорим с Вами, чему я очень рада.

Итак.

Я вот что хотела сказать: я старалась оставаться в стороне, с самого начала: я сразу поняла, что у вас далеко не все было гладко... или я не права? – и я не хотела в это вмешиваться. Меня это не касается.

Я не хотела ехать. Не поймите меня неправильно. Это все он, Поль, он хотел, чтобы я поехала сюда, не в приказном порядке, нет, это не в его стиле – Вы знаете его лучше меня – он непременно хотел, чтобы я присутствовала на этой небольшой семейной встрече. Он бы не понял, если бы я попыталась уклониться от этого акта приличия.

Если быть до конца честной, то мое отсутствие могло быть неверно истолковано вне зависимости от его причины. Вы чувствуете, Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

И все же, оно не могло быть – мое отсутствие – оно не могло быть пренебрежением, не могло быть расценено как пренебрежение. Правда? Вы ничего не ответите мне на это?

Я бы предпочла не видеть все это снова. Я и так слишком хорошо все помнила. И стоять тут, как бедная родственница...

Вы должны знать: я боялась смутить своим присутствием, я вам никогда особенно не нравилась, Вам с Элен; а он рядом с вами, он любит меня меньше, хоть я и предпочитаю не замечать этого.

Уже заранее исключенная из ближнего круга, лишняя, вынужденная только и делать, что восхищаться садом, деревенским воздухом – я Вам разве не говорила? Я не слишком люблю деревню, и мы не хотим занять Ваше место; приезжать сюда, чтобы отдохнуть. На барбекю, поддерживать газон в идеальном состоянии, мы не устали...

В общем.

Для Вас я не слишком ясно излагаю свои мысли, я Вам наскучила. Извините меня. Слишком сложно, слишком неоднозначно...

Пьер. – Я Вас очень внимательно слушал.

Анна. – Да. Благодарю Вас. Я вам крайне за это признательна. Я и не сомневалась, что Вы самый внимательный человек на свете. На что я вообще жалуюсь? Чего я могу еще желать? Вам, я думаю, относительно все равно.

(...)

Элен. – Я врала.

Я врала, может быть, я всегда врала, не знаю, это возможно. Наверное, это не слишком приятно слышать, но когда я снова вас увидела, здесь, сегодня, наверное, я поняла это, как минимум это: я врала, все это время, не переставая. Я просто забыла об этом или же не хотела себе в этом признаваться. Теперь я признаю это с улыбкой, ты свидетель, я улыбаюсь, признаваясь в этом, немного ребячески, то, что вы думаете обо мне, моя улыбка все же немного грустна, как всегда, меланхолична, вы так ее любили, о, как же вы ее любили! Вы все время повторяли это.

Мое лицо никогда ничего не выражающее.

Я врала.

Что это дает сегодня?

Это может лишь слегка задеть, вот и все, вам так не кажется? Я начала врать, я уже не припомню, не в какой-то конкретный день, это не было каким-то особым решением, продуманным, я начала врать «просто так», однажды как бы невзначай опустив одну подробность, для собственного успокоения, чтобы не объясняться, закончить, наконец, избавиться от одной крохотной детали.

Для собственного успокоения, именно так, покоя: чуть меньше бояться жизни с вами; отныне нужно было только, чтобы ложь следовала за ложью, не путаясь в показаниях, с умом остерегаясь нелепых оплошностей, и жить так, без каких-либо проблем. Приспособиться.

С вами слишком сложно, вам на все нужен ответ. Молчать было невозможно, это тоже вызывало вопросы: «Почему ты ничего не говоришь?» Это было невозможно, недопустимо, это была настоящая борьба против вас, говорить, грубить, не уверена, что у меня хватило бы смелости.

Вы не переставая расспрашивали меня, спрашивали о моем состоянии здоровья, о моем внутреннем состоянии, люблю ли я вас, и каждый делал это настойчивее своего предшественника, и так до бесконечности.

Сбежать. Убежать. Это могло бы стать выходом из сложившейся ситуации: уйти от вас. Я не знаю. Вы бы не поняли и были бы такими несчастными, оба. Мое время, моя жизнь, – как высокопарно – я распределила его по-другому, я начала жить по-другому – вы этого не знали, вы никогда не слушали – втайне, находясь при этом рядом с вами.

Я вам изменяла, если хотите знать. Так это обычно называют. Другие мужчины время от времени, некоторые из них бесконечно нежные. Но это не главное, не важнее, чем то, что я отвечала вам «да», думая при этом «нет».

Так мне было спокойнее. А вы были во всем уверены. Я стала улыбаться чуть менее грустной улыбкой, я уже упоминала об этом.

И еще кое-что. Вы должны знать, а я должна сказать: естественно, я любила вас.

И еще: когда я уходила от тебя, чтобы уехать с ним, когда я оставляла одного ради другого, я не выбирала, я одинаково не любила обоих!

Пьер. – Ты избавилась как минимум от одного из нас.

Поль. – Это не то, что она сказала.

Элен. – Это то, что я хотела сказать.

(...)

Лиз. – Они практически все перепробовали: они вполне типичны, из буржуазных провинциальных семей, занимающихся торговлей, Пуатье, Дижон, Руан, жуткий треугольник, первые шаги, различные постподростковые требования, переезд в столицу, артистические потуги, немецкая литература и кинематограф беднейших стран мира, множество почти что взрослых требований, побег из столицы, оседлость, чистый воздух, «настоящая жизнь», ремесленные потуги, мальва и розы, счастье, рай, вот этот дом, затем снова распад, каждый сам по себе, рождение первой красивой девочки, опустим, рождение второй красивой девочки, конец беззаботной молодости, читательский билет в рассрочку, журнальный столик, салат из креветок и авокадо, ретроспектива Антониони в местах былой славы.

Мне семнадцать лет. Без тени самоиронии. Я собираюсь посвятить себя – свою судьбу – я собираюсь посвятить себя коммуникациям, логике. Билигв, год или два в Соединённых Штатах (я могла бы сказать в Америке и специально не сделала этого), два языка и свободомыслие, карманное издание Шнитцлера, короткая стрижка и черно-белые фото.

Шучу.

(...)

Анна. – Мне не следовало приезжать.

Поль. – Почему, разве тебе плохо? Здесь какая-то особенная атмосфера.

Анна. – Перестань шутить по любому поводу.

Поль. – Я не шучу. Все не так уж и плохо, как мы себе представляли. «Представляли» – не совсем правильное слово. Они милые и...

Ты уже была в саду?

Анна. – Я ничего не сказала. Я буду тут, неподалеку.

Здесь есть сад? Я могу измерить территорию участка, если так дело пойдет быстрее.

(...)

Пьер. – Мы не знакомы. Думаю, тебе должны были обо мне рассказывать.

Лиз. – Нет.

Пьер. – А? Действительно. Да нет же. Ты. Возможно, этого не помнишь, и все же определенно должны были. Я бы удивился, если бы все было наоборот, и...

Лиз. – Нет.

Пьер. – Что ж. Итак, как бы это сказать? Я... мы с твоей мамой и тем мужчиной, вон тем, в молодости... Когда твоя мама была молода...

Ужасное выражение для начала истории, – «когда твоя мама была молода...»

Она никогда тебе обо мне не рассказывала, честно, серьезно?..

Лиз. – Да. Уверю Вас.

Пьер. – Ты меня узнала. Ты просто пошутила. Я не сомневался. Она тебе обо мне рассказывала, я был уверен, я бы удивился, если бы все было наоборот, и...

Это я написал несколько книг, одну или две, когда-то, она, возможно, показывала их тебе и...

Мне так больше нравится.

Лиз. – Вообще да, это именно то, что она рассказывала.

Пьер. – Да. Что, прости? Я не расслышал...

Не могла бы ты повторить. Постой.

Что она тебе обо мне рассказывала?

Вернись.

(...)

Антуан. – ...а во-вторых, и здесь, возможно, кроется самое интересное, это общение с людьми, контакты, особые связи, которые можно получить и которые необходимо иметь!.. Это одно из основных правил профессии, о котором никогда не стоит забывать: общение с людьми, с клиентом, с клиентурой...

Поль. – Психология.

Антуан. – Точно, психология.

Это, возможно, первостепенное качество, именно качество, да. Мужчина, возьмем в качестве примера мужчину, женщина – это особый случай, не будем отрицать, они другие...

Не мне утверждать обратное.

Поль. – Нет.

Антуан. – Возьмем мужчину, мужчину в качестве примера: психология, склонность к психологии, глубокое знание психологии – да, именно так, – знание психологии, ни для кого не секрет, вовсе, у мужчины оно есть или же его нет.

Если его нет, становится очевидно, что «торговый представитель» – то, чем я занимаюсь, – «торговый представитель» или просто «продажник», без знания психологии, нельзя им стать, в этом нет ничего фатального, однако, не стоит обольщаться, это работа не для всех.

Мы все с этого начинали, во всех сферах, одно и то же, «продажник», затем, далее, через пару лет, прошлое есть прошлое, и не стоит забывать о нем, «торговый представитель», распространение и продвижение, сегодня в этом нет ничего постыдного, здесь нечего стыдиться, а значит, незачем забывать об этом.

Напротив, не принимать это во внимание совершенно ошибочно. Делать вид, будто ничего не было, заносчивость, все эти истории о вере в свой продукт, о рекламе... Есть те, я знаю тех, я знал одного мужчину – женщины, как мы уже говорили, это особый случай, там влияют совсем другие факторы... я знал женщин, я говорю без тени женоненавистничества, я самый не женоненавистный мужчина в мире, я знал женщин, начисто лишенных какого-либо понимания психологии, представляете? При этом, все мы знаем, мы постоянно слышим, что женщины гораздо лучше мужчин разбираются в психологии. Интуиция, как бы точнее выразиться – итак, я знал мужчину, очень достойного, умного и приятного мужчину, да, приятного мужчину, красивого и сильного, таких называют «красавец-мужчина»...

Не стоит отрицать – я сделаю небольшое отступление – есть существенная разница между красивым и страшным «торговым представителем». Иногда, с финансовой точки зрения, разница в доходе колоссальная, Вы даже не представляете себе, насколько. Это правда, поверьте мне. Долгосрочный эксперимент: на одной территории, с одним и тем же продуктом и клиентским пробником, одинаковое количество мужчин, одинаковое количество женщин, одинаковые социальные и профессиональные слои, возрастные группы – на мужчин, фактор физической красоты, Вы мне не верите, Вы улыбаетесь, влияет в той же степени, просто несколько по-другому, вот и все, – можно провести эксперимент...

Его уже проводили, я Вам не вешаю лапшу на уши, его уже проводили, в Штатах, конечно же, его уже проводили: он длился несколько месяцев, и результат был неоспорим: физическая красота продавца по важности сравнима с самим продуктом, даже если этот продукт и сам по себе не плох.

Я читал об этом, целая серия очень интересных статей, в них речь шла об автомобилях, автомобилях более чем среднего качества, я не говорю о люксовой продукции, парфюмерии, косметике... там очень не красивые мужчины просто недопустимы, это очевидно, и женщины, я, конечно, не настаиваю, представьте себе «страшную, как атомная война» представительницу косметической марки, насмешки, лживая реклама, Вас это не удивило бы? И ужасающая статистика в конце каждого месяца...

Так вот, я знал одного мужчину, и этот мужчина, про которого я Вам рассказываю, несмотря на все упомянутые мною качества, внешние и внутренние, – они зачастую связаны, Вам так не кажется? – у него его не было, полнейшее отсутствие, начисто, полностью, абсолютно никакого понимания психологии, мимо.

Люди, с ними нужно говорить, нужно угадывать их желания, соблазнять их и улыбаться им, конечно же, улыбаться, но, прежде всего, важнее всего найти их слабое место, нащупать и надавить на него. «Покупка – это слабина, которую мы даем, и...» У меня был наставник. Хотите верьте, хотите – нет, у меня были наставники. Мы проходим курсы повышения квалификации. Я уже работал, «продажник», начальная позиция, на которой я не хотел оставаться: перейти на другую, улучшить свое положение, Элен, две дочери, дать им чуть больше, ну, Вы понимаете...

Я посещал курсы, даже сейчас, я продолжаю учиться, Вас это забавляет, я не хочу останавливаться на достигнутом, есть те, кого все устраивает, это их дело. Так вот, мой наставник говорил, – он из тех, кто решил поделиться своим опытом с другими. Это очень благородно с их стороны, – так вот, мой наставник говорил, я запомнил и часто вспоминаю эти его слова: «Покупка – это слабина, которую мы даем и...»

Это не прямая цитата, изначальное выражение было гораздо красивее, цитата, это цитата, девиз продажника, как мы ее называем, и очень часто, я повторяю ее себе, в голове. До самой смерти, это, наверное, глупо, до самой смерти с нами остаются утверждения – Вам это кажется глупым, потому что Вы получили хорошее образование, все, что я говорю, так ничтожно – есть утверждение, что на протяжении всей жизни, вам

вдалбливают их в детстве, и на протяжении всей жизни, несмотря ни на что, они плотно сидят в вашей голове. Там, выгравированные, отлитые из бронзы.

Этот мужчина, о котором я Вам рассказывал, он ни на йоту не разобрался в психологии, уже не помню, как его звали, он родился на юге, – еще одно положительное качество: латиняне¹ прекрасные торговцы, они разговорчивые, – этот мужчина не был способен понять, докопаться до сути. Его звали Недетти, именно так, Недетти, латинская фамилия, как я и говорил, не так ли? Жорж Недетти. Жорж или Альбер, да, я был уверен, что вспомню. Он был совершенно не способен угадать мысли человека, стоящего перед ним, и ему пришлось уйти из профессии.

(...)

Элен. – В любом случае...

Пьер. – Она будет говорить о деньгах, ты будешь говорить о деньгах. Мы ведь для этого собрались.

Элен. – Не начинай.

На вас нельзя положиться. Нам нужно решить ряд вопросов, это не сложно, если никто не будет все усложнять, и у вас нет никакой причины для...

Поль. – Ее типичная манера подходить к решению проблемы с противоположной стороны.

Она растопчет, я чувствую, прошлое, воспоминания. Превратит в пепел непримиримых призраков ушедшей молодости...

Пьер. – Дай ей договорить, это должно было быть очень забавно.

Элен. – Какими же вы можете быть маленькими, глупыми, как же вы умеете ребячиться и так, так...

Ладно.

Мы не для этого собрались здесь, сегодня...

И правда, отчего это мы притворяемся? Я, я не буду больше притворяться, не буду больше притворяться, хватит, я приехала не для того, чтобы нанести визит вежливости.

Поль. – Она будет говорить о работах по ремонту крыши...

Пьер. – А что с ней не так, с крышей?

Элен. – Ее надо обновить.

Поль. – Она хочет объяснить, насколько ремонт этой прекрасной загородной резиденции, а это стало именно загородной резиденцией, даже не хочу думать, насколько

¹ Латиняне – потомки древних римлян, жители южных регионов Франции. (Примечание переводчика)

это выражение шокировало бы нас в прошлом, но зачем отрицать этот факт... итак, ремонт...

Элен. – Ты вообще за кого, а?

Пьер. – Он не за кого-то одного, он за нас обоих, врожденная верность...

Поль. – Ремонт этой прекрасной загородной резиденции стоит целое состояние, если поделить на троих, то еще терпимо, но это все равно целое состояние...

Пьер. – О чем вы вообще говорите? Я плачу аренду, как мы и договаривались. Вы хотите поднять арендную плату? Какими же вы стали, хотите поднять мне арендную плату, и это всего лишь ради нескольких франков. Вы всё ходите вокруг да около, ох уж это ничтожная логика ничтожных домовладельцев...

Элен. – Послушай, я ничего такого не говорила. Это он пытается по-своему истолковывать мои слова, а ты, конечно же, сразу...

Поль. – Она вовсе не собирается повышать твою крошечную арендную плату...

Пьер. – Крошечную? В таком-то месте?

Поль. – Она собирается продавать, вот и все, только и всего, и никогда больше не вспоминать об этом.

Пьер. – Голландцы.

Элен. – Немцы.

Пьер. – Пьер, *(смеется)* с такой-то крышей?

Поль. – *(тоже смеется)* Мы назначим просмотр на очень солнечный день.

Элен. – Вы одинаковые, забыла сказать: вы абсолютно одинаковые.

На что вы надеетесь? За кого вы меня принимаете?

За кого вы меня принимаете?

(она уходит)

Пьер. – Что ты об этом думаешь?

Поль. – Я?

Пьер. – Да, ты. Что ты об этом думаешь?

Поль. – Ой, да это не так важно. Я хочу покончить с этим. Ты знаешь. Seriously. Покончить, я думаю, и разойтись в разные стороны, отныне и впредь.

Пьер. – Seriously?

Поль. – Да. Я никогда не говорил, но я бы предпочел больше никогда не встречаться.

Здесь, в этом случае, что касается этого места, этого дома, крыши, голландцев, немцев, сдавать или продавать, мне все равно, абсолютно, вы даже не можете себе представить, до какой степени. Я сделаю все, что вы хотите, как всегда, каждый раз, я делал все что вы хотели.

Я не слишком люблю солнце, я разве тебе никогда этого не говорил?

(...)

Антуан. – Вы преподаватель, Элен говорила мне. Это здорово. Это лучшая профессия в мире. Правда. Это так увлекательно. Преподавать и все такое. Передавать знания, читать книги. Лично я, я не скрываю, это бросается в глаза, я не учился, такова жизнь. Мне не стыдно. А если серьезно, разве мне должно быть стыдно? Я этим не хвастаюсь. Это бессмысленно. Правда.

Мы не выбираем. Я не выбирал.

Иногда, признаться честно, я об этом жалею.

Это нормально.

Что ж.

Где преподаете?

Пьер. – В средней школе.

Антуан. – Да. В средней школе. Это хорошо, они еще не слишком взрослые, не слишком опасные.

Забавно, не правда ли? Я думал...

Пьер. – В университете?

Антуан. – Да. Нет. Не совсем. Я думал... у нас две дочери, а я только с виду, это нормально, логично, детьми нужно заниматься.

Конечно, можно поиграть словами, всегда, но то, как Элен говорила об этом, можно истолковать как минимум двояко. Я глуп. Только я мог такое ляпнуть. Я действительно глуп. Я не должен был вообще ничего говорить.

Пьер. – Таких, такого рода преподавателей принято называть «учителями»? Вы это хотели сказать?

Антуан. – Да. Это тоже хорошо. Я бы не позволил себе. Это не я, на низшей ступени практически... Такого рода вещи, я не придаю им значения. Кем Вы меня считаете? Думать, что я обращаю внимание на... Я кретин.

Я не должен был вообще ничего говорить.

Пьер. – Надо всего лишь запомнить, только и всего, надо всего лишь запомнить, что это немного разные вещи.

Антуан. – Да.

Пьер. – я с Вами полностью согласен.

Учитель на замену, средняя школа имени Антуана де Сент-Экзюпери, восьмой, девятый классы: Средние века, куртуазная любовь, Вольтер, Дидро, Руссо, введение в историю Великой французской революции, юношеские поэмы Виктора Гюго... «Преподавать и все такое. Передавать знания... читать книги...»

(...)

Анна. – Мы не знакомы. Я не слишком расторопна. Меня зовут Анна, и Вы можете называть меня по имени, конечно же. Я все представляюсь, ничего так толком и не сказала. Когда Вы были маленькой, ребенком, и все последующие годы, для меня совершенно не представлялось возможным увидеть Вас.

Я хочу сказать: не подумайте ничего плохого, но Вы уже взрослая, Вы можете себе представить, это было бы слишком тяжело для меня. Вот и все. В любом случае, они были уже далеко не в самых теплых отношениях, мой муж, вот он, и Ваша мама, и они довольно редко виделись. Такие моменты, как сегодня...

А если серьезно, они вообще когда-нибудь были в хороших отношениях?

Вы, должно быть, согласны со мной.

Они немного напряжены. Это видно со стороны.

Я думаю, да, что в любом случае мне было лучше не видеть Вас, когда Вы родились.

Возможно, он бы и не разрешил мне сделать это.

Лиз. – Я могу чем-то помочь Вам? Вы хотите услышать мое мнение по данному вопросу?

Анна. – Простите?

Нет. Извините меня. Я ошиблась.

Прошу Вас простить меня.

Благодарю Вас.

(...)

Пьер. – То, что она сказала, эта история с ложью: я ничего не понял. Ты что-нибудь понял? То. Что она сказала, она ведь так не думает? Это неправда. Она сказала это со злости.

Поль. – Она пошутила.

Пьер. – Я рад. Меня это успокаивает. Очень приятно, что ты думаешь обо мне.

(...)

Антуан. – Как ты поживаешь? У тебя все хорошо? Как идут твои дела?

Элен. – Мои дела идут хорошо.

Не беспокойся. Они на все согласятся. По поводу денег.

По поводу всего. Мы посчитаем, подготовим сметы, и дело пойдет быстрее. Разве нет?

Глупо пускать это на самотек.

Они во всем со мной согласны.

Они полностью разделяют мое мнение.

Мы никогда не говорили об этом, потому что всем троем было стыдно и неудобно: они ждали, что кто-то возьмет инициативу в свои руки, сделает первый шаг.

Они прекрасно понимают, они умные, они прекрасно поняли, что нам нужны деньги и не только...

Антуан. – Не так уж нам они и нужны.

Элен. – И ты мне это говоришь!

Я не имела в виду ничего плохого, не пойми меня неправильно, я сказала не подумав, в любом случае, это – резервный капитал, не беси меня, резервный капитал и...

Так.

Сойдись с ними.

Успокойся, это именно то, что я хотела тебе сказать. Мы очень быстро решим вопрос и сразу уедем, и больше никогда не будем вспоминать об этом.

Я больше не хочу их видеть.

Мы больше никогда не будем вспоминать об этом и вернемся обратно, домой.

(...)

Пьер. – Я ничего не сделал, я просто остался здесь. Я ухаживал за этим домом, за всем. Мы здесь жили, ничего более. Я был молод, и все же моя жизнь должна была сложиться именно так.

Пройти. Вы уехали, сначала вместе, потом тоже разбежались, перестроили свои жизни, как вы выражаетесь.

Иногда от вас приходили весточки, рождение детей, всего пара строк, новые адреса проживания.

Он, он рассказывал мне о ней по телефону.

Элен больше не разговаривала со мной.

Мне нравилось одиночество. Я неплохо устроился. Спустя годы после вашего ухода, постепенно, это было предсказуемо, я перестал вас ненавидеть, даже не отдавая себе в этом отчета.

Время от времени я немного лукавил, отводя себе самую положительную роль в нашей истории, «роль самого несчастного человека на земле».

Конечно, у меня были и другие отношения, и в некоторых из них я даже любил, по-своему, теперь уже можно в этом признаться. Желание быть с ними, не притворяться. Были и те, что неизбежно для молодого человека, с кем мы были едва знакомы, и те, о ком я вообще ничего не знал, кроме их тела, я даже имя у них не спрашивал.

Все, что нужно было делать, так это жить, я имею в виду – есть, платить крохотную аренду – вы ждали два или три года, прежде чем заговорить о ней, написать о ней, – зарабатывать себе на жизнь, зарабатывать деньги и тому подобное. Самому себя обеспечивать, как это принято называть. Веселье, вот как я порой характеризую свою молодость, веселье должно было однажды закончиться.

Я встал в строй, чтобы стать как все, чтобы мое существование хоть немного походило на обычное.

Я забросил написание претенциозных стихов, чтобы стать, время пришло, преподавателем, учителем на замену в средней школе, говорить в пустоту перед ужасными наследниками других людей.

(...)

Элен. – Почему ты улыбаешься? Тебе смешно? Тебе это все кажется нелепым, я думаю.

Лиз. – Я не улыбаюсь. Я наблюдаю. Я набираюсь опыта. Ты всегда наблюдаешь. Это твое нормальное состояние. Ты ни с кем не разговариваешь. Ты только отвечаешь, очень вежливо. И все. Вот. Как ты себя ведешь.

Не мне тебя судить.

В этом нет ничего предосудительного, ведь ты не водишься с плохими мальчиками.

Лиз. – Я не сужу никого. Я бы не позволила себе. Я еще слишком юная. Слишком маленькая.

«С плохими мальчиками»? Красиво звучит. Мне нравится, когда ты так говоришь. Красиво. Немного фальшиво, возможно.

Элен. – Что ты имеешь в виду?..

Лиз. – Ты получила свои деньги?

Элен. – Нет.

Лиз. – Замечательные парни, хоть и тяжело управляемые.

Элен. – Это была не лучшая идея, мне кажется. Вот, что ты думаешь. Эти деньги, можно обойтись и без них. Вы с твоим отцом мыслите одинаково. Только ко мне потом никаких претензий. Немного наивно, если абстрагироваться.

Лиз. – Ты ведь приехала сюда не только для того, чтобы говорить о ремонте крыши и разделе имущества? На три равные доли, ведь так?

Элен. – Снова увидеться с ними, попытаться поставить точку.

Но и это было не самой удачной идеей.

Лиз. – Тебе виднее.

(...)

Пьер. – Он хотел продать тебе подержанный автомобиль?

Поль. – Не будь таким злым! Он славный малый, это видно.

Пьер. – Только это и видно.

Помнишь, что мы говорили о таких «славных малых»?

Поль. – Ей хорошо с ним. Ты знаешь это. Такой как он, с ней, и она может быть счастлива, вот, что должно изрядно бесить тебя. Нас это больше не касается. Все кончено. Можешь говорить все, что угодно, но все кончено.

Что ж.

Я хотел, чтобы мы всё решили, быстро, так или иначе. Ты мог бы быть и поговорчивее, что тебе это стоит?

Я хочу уехать отсюда. У меня больше нет желания здесь оставаться.

Ты не самый хороший человек. Я хотел сказать тебе это. Мне грустно, меня это печалит, как бы я хотел не знать этого никогда. Ты не самый хороший человек. Это старомодно так выражаться, мне кажется, мне не хватает доли здорового цинизма.

Ты не самый хороший человек. Ты нехороший человек.

Как бы я хотел не знать этого. Я давно об этом знаю. Я не только сегодня узнал об этом, ты не думай, деньги, дом, я знаю об этом уже много лет, тогда мы были еще вместе, мы – трое, Элен, ты и я, я уже тогда это осознавал, я не хотел себе в этом признаваться. Я врал. Я всегда немного врал, и ты тоже.

Ты неблагородный человек. Это хуже всего.

Пьер. – Что я такого сказал? Что я опять такого сказал? Что на тебя нашло? Вы же не собираетесь, каждый по очереди, устраивать мне сцены? Я ничего вам не сделал. Что это значит: я не самый хороший человек? А ты, ты – хороший человек? Ты считаешь себя хорошим человеком?

Поль. – Прости меня. Я немного устал. Работа, дорога, я прошу тебя простить меня. Я не хотел тебя ранить.

Договоритесь между собой, ты и Элен. Мне кажется, ей действительно нужны деньги. Я сделаю все, что вы хотите. Прости меня.

Пьер. – Не страшно. Забыли?

(...)

Антуан. – ...старшая совсем другая...

Элен. – Прекрати.

Это правда. Мы никогда не говорим об этом.

Антуан. – Она совсем другая. Я больше ничего не сказал.

Я сказал только это.

Она более ранимая, это подходящее определение. Оно тебя устраивает?

Она более ранимая.

Поль. – Ты знакома с Анной? Это имя. Ее, моей жены. Вы, наверное, никогда не встречались?

Анна. – Это глупо. Мы только недавно виделись, по приезду. Мы не поговорили, только переглянулись.

У нас не было возможности.

Элен. – Повода, если точнее.

Антуан. – Жаль, что вы ее ни разу не видели, она вполне симпатичная девочка. Она, та, другая, ее внешние данные неоспоримы...

Элен. – Не называй ее «другой».

Анна. – Это глупо, она прекрасно знает, кто я.

Антуан. – Вторая. Лиз. «Другая» звучит нормально. Я машинально это сказал. Вечно она на все обижается. Младшая, если тебе так больше нравится. Младшая. В смысле, Лиз.

Анна. – Я много о Вас слышала. Это меньшее. Что можно сказать.

Что я еще могу добавить? Да: я очень рада познакомиться.

Антуан. – Младшая, она, вон та, Лиз, она тоже симпатичная. Умная, бесспорно. Она хорошо учится – она не глупая, талантливая, – и мы очень довольны...

Уж точно не мне жаловаться.

Элен. – Заткнись!

Извините меня, давайте забудем, не знаю, что на меня нашло.

Прекрати! Я требую, чтобы ты прекратил!

Это никому не интересно. Им плевать. Он, вот этот, смеется над тобой.

Пьер. – Кто? Что ты такое говоришь? Я? Я бы попросил. Я не улыбаюсь, я улыбался, думая совершенно о другом. Не верьте ей, мне это очень интересно...

Поль. – Анна не хотела ехать. Нельзя сердиться на нее за это. Она такая, какая есть, но сейчас, она очень рада познакомиться с вами. Для нее теперь многое прояснилось.

Антуан. – Я и не заметил, что Вы улыбались.

Анна. – Прекрати трясти ногой.

Элен. – Прошу прощения: я тоже очень рада, правда.

Поль. – А я и не трясусь.

Антуан. – У младшей, это уж точно, был перед глазами пример старшей сестры. Она быстро поняла, какие ошибки не стоит совершать.

Элен. – Он прекрасно интерпретирует ваши мысли. Он врожденный переводчик. Он всегда лучше вас знает, что вы хотели сказать.

Анна. – Он прав. Я не хотела приезжать, но сейчас я очень рада познакомиться с вами.

Пьер. – Ты слышал, Поль? Я что, правда улыбался?

Антуан. – Старшая, возможно, была слишком чувствительной, как нам кажется, и...

Поль. – Послушайте, старина, не поймите меня неправильно, но мне кажется, что Элен не хочет...

Антуан. – Что, прости?

Элен. – Ты, не вмешивайся. И не называй его «старина»!

Поль. – Я думал... Знать бы, что у тебя на уме!

Элен. – Я ни о чем тебя не просила!

Пьер. – Видишь? Она так нервничает, что уже и слова сказать нельзя.

Поль. – Послушай, ты, оставь нас в покое!

Анна. – Вот теперь мне все стало ясно.

Элен. – Не будьте всегда такой... как бы это сказать?..

Анна. – «Такой неприветливой»?

Элен. – Пожалуй, да.

Сама сущность людей и то, что они говорят – это разные вещи.

Анна. – Я сказала что-то неприятное?

Элен. – Нет. Но Вам так этого хотелось.

Антуан. – Меня вовсе не смущает, что Вы называете меня «старина». Многие так делают.

Поль. – Я больше не буду.

Пьер. – Он безгранично добрый малый.

Элен. – Мы уедем раньше, чем планировали.

Анна. – Да что с ней такое, с этой девочкой, о которой никогда не говорят?

Пьер. – Вы все так разнервничались, что уже и слова сказать нельзя.

Анна. – Да что с ней такое, с этой девочкой, о которой никогда не говорят?

Поль. – Это не твое дело.

Анна. – Да что с ней?

Элен. – Я не знаю. Правда. Я не вру.

Антуан. – Мы уедем раньше, чем планировали. Оставим все как есть, деньги, все эти истории из прошлого, продажу дома. Нам все это не нужно.

Анна. – Мистер «Большой босс» не хочет ничего знать?

Пьер. – Так скажите, Вы, Вас толком не было слышно, и это Вас весьма устраивало...

Элен. – Не смей говорить с ним подобным образом.

Пьер. – Я говорю как хочу и с кем хочу.

Поль. – Послушай, Элен, тебе нужны эти деньги, так что ты просто могла бы все ему объяснить...

Элен. – Это была далеко не лучшая идея. Мы найдем другой выход. Не так уж они нам и нужны, вовсе нет. Мы по сей день прекрасно без них обходились, не правда ли? Значит, ничего смертельного не случится, если мы их не получим.

Пьер. – Прошу заметить. Я был на все согласен. Я не был помехой. Так что оставьте при себе намеки на то, что это из-за меня...

Элен. – Заткнись!

Пьер. – Невероятно, она только что сказала «заткнись», она всем говорит «заткнись», она только это и может сказать... Впрочем, мне все равно.

Поль. – И я надеюсь, ты это заметил, я был со всем согласен...

Анна. – Он удивительно сговорчив, не правда ли?

Поль. – Зачем ты так говоришь? Это правда, он такой, он, вон тот...

Анна. – Не называй его так.

Антуан. – Я как раз собирался сказать это.

(...)

Пьер. – Вы уезжаете?

Анна. – Да, так будет лучше, как он говорит.

Пьер. – Скорее всего, надо будет подписывать бумаги, составлять какую-нибудь опись. Думаю, для таких случаев предусмотрена какая-нибудь опись. Они это любят, считать, составлять списки... Что Вы об этом думаете? У Вас есть право на собственное мнение.

Анна. – Я не знаю. Меня это не касается. Это не мое дело.

Пьер. – Это Ваш муж, дела Вашего мужа, Вас это тоже касается, совместно нажитое имущество.

Анна. – Вы нехороший человек...

Пьер. – Где-то я уже это слышал. Вы и оригинальность...

Что ж. простите меня. Вы хотели бы что-то сказать, что-то добавить? В качестве заключения?.. Вы из тех, кто любит подводить итоги.

Анна. – Да. В заключение, не знаю, правильно ли я поступаю... мне, наверное, не удастся хорошо это объяснить... возможно, я зря вообще начала этот разговор...

Пьер. – Извечные глубокомысленные попытки метафизических размышлений домохозяйки, поднимающейся по лестнице...

Анна. – Что, простите?

Ах, да. Вам это кажется забавным.

Вы точно считаете меня глупой и малообразованной, даже не способной связать двух слов...

А Вы, кем Вы стали? Все эти красивые фразы, «претензии на остроумие», кем Вы стали? Это Ваша вечная, нескончаемая, нелепая и слабая – такая слабая – ничтожная ирония! Вам никогда от нее не избавиться. Иногда Вы, наверняка, жалеете о том, что не можете сказать ничего доброго без какой-либо задней мысли, но уже слишком поздно, Вам обязательно нужно все высмеять, над всем поглумиться.

Пьер. – В качестве заключения?

Мне показалось, что...

Анна. – Да.

Я хотела еще немного поговорить о нем, о Поле. Мы уезжаем. Когда мы поженились, он ничего не сказал Вам, ни слова, и это, возможно, огорчило Вас и...

Эта вежливость, она немного старомодна, как следовало бы поступить, что следовало бы написать. Вы знаете, насколько, на самом деле, несмотря на то, какой была ваша жизнь втроем, Вы знаете, насколько он любит соблюдение правил и приличий. В любой ситуации.

Вы, вы кажетесь столь безразличным ко всему, ко всем, к людям и событиям, какими бы они ни были. Возможно, и это тоже, наш брак, не вызвал у вас совершенно никаких эмоций.

Я не знаю.

Вот, что я хочу сказать: Вы должны это понять, мне неприятно, что Вы так заблуждаетесь на его счет. Он очень долго думал о Вас. Мне не хотелось бы вмешиваться, говорить за него, он часто думает о Вас, и Вы один из тех, кто в его жизни...

Он очень несчастен, да, именно так, очень несчастен из-за того отчуждения, которое есть сегодня между вами. Вы не отвечаете на письма и очень часто Вы притворяетесь, что уехали. Это ложь, конечно, он знает это, и ничего не может сделать. Иногда, каким угодно способом, Вам стоило бы ему отвечать. Вот, что я хотела сказать.

Пьер. – Меня часто не бывает дома.

Анна. – Да. Именно об этом я и говорю.

Он, наверное, боится, что однажды Вы умрете, а он не узнает об этом.

Пьер. – И что с того? Это уже в прошлом. Закончено, закрыто. Мы больше никогда не будем об этом говорить.

Вы хотите, чтобы я понял, что он хороший человек и что все дело вовсе не в нем, но в тяжелых и безжалостных обстоятельствах.

Допустим, я Вас услышал.

Уходите, оставьте меня в покое.

(...)

Пьер. – Я был уверен, что ты все мне выскажешь. Длинный монолог.

Очень эмоциональное признание. Вы скажешь, наконец, то, что действительно чувствуешь, то, что действительно думаешь, все накопленные обиды.

Поль. – Замолчи.

Мы уезжаем, береги себя.

Пьер. – Худшее.

Поль. – Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Если говорить на чистоту, то да, тебе никогда никто не нравится, ты всегда хочешь все знать...

Но разве мое мнение имеет значение?

Пьер. – Всегда от всего отказываться, оставаться в укрытии, по ту сторону, слишком сильно бояться, чтобы это не переросло в нечто более серьезное.

Твоя машина, у тебя какая?

Поль. – Не настаивай. До свидания.

Пьер. – А как же деньги, крыша, наше совместное имущество?..

Поль. – если ты изменишь свое мнение, если вы придете к какому-либо решению, ты и Элен, я ей уже сказал, я на все соглашусь, я не доставлю никаких неудобств, мне плевать – мне всегда было на это наплевать. Можете написать мне, есть юристы, нотариусы, я полагаю, для решения таких вопросов.

Ноги моей больше здесь не будет, я в этом уверен, теперь.

У нее есть мой адрес.

Пьер. – Найти покой. Жить спокойной жизнью, сбежать...

Поль. – Забудь, это всего лишь слова...

(...)

Лиз. – Это был чудесный день. Деревня, загородный воздух, сад, птички, бодрящий, очень бодрящий день.

Антуан. – Что ж, я говорю Вам «до свидания». Я был очень рад встретиться с Вами, познакомиться с Вами...

Анна. – Да? Прошу прощения. До свидания. Вы уезжаете прямо сейчас? Да?

Антуан. – Мне завтра на работу.

Анна. – Будьте внимательны на дороге.

Антуан. – Что ж, я говорю Вам «до свидания». Я был очень рад встретиться с Вами, познакомиться с Вами.

Пьер. – Да. Я тоже.

Элен здесь? Где она? Она не попрощалась, если я не ошибаюсь, она ни с кем не попрощалась.

Она всем говорит «заткнись», но вот «до свидания» – никому. Она могла бы попрощаться.

Она с тобой попрощалась?

Поль. – Да. Она только что попрощалась со мной.

Пьер. – А я уверен, что нет. Ты стоишь, как побитая собака, она с тобой не попрощалась...

Антуан. – Она немного устала, и нам далеко ехать. Окружная вечером, вы не представляете, что там творится, но... Что ж.

Я был очень рад видеть вас, здесь, всех, познакомиться со всеми вами...

Скажи им «до свидания», Лиз.

Поль. – Она со мной уже попрощалась, все хорошо. Мы уезжаем.

Лиз. – До свидания, до свидания, до свидания, до свидания и еще раз до свидания.

Анна. – Она вообще ничего не сказала. Она прошла мимо тебя и не сказала тебе ни слова. Что ты такое говоришь?

Поль. – Не вмешивайся, оставь.

Пьер. – Я и не сомневался.

Антуан. – Что ж. Ну, до свидания, я был очень...

Поль. – Да. Мы тоже.

Пьер. – Так не хорошо, она не должна была, так никто не делает. Она могла сказать тебе хоть слово, она плохо с тобой поступает.

Поль. – Это тебя не касается. Это мое дело.

Анна. – Я ничего тебе не сделала, изволь говорить со мной в другом тоне!

Пьер, *обращаясь к Лиз.* – Скажи своей матери, что нехорошо так себя вести. Она могла сказать ему хоть слово перед отъездом.

Лиз. – Я ничего не стану ей говорить. Если Вам есть, что сказать ей, сделайте это сами.